

Научная статья
УДК 93
doi: 10.17223/19988613/79/21

Постоянная «колонизация»: представление российских немцев о труде

Дарья Викторовна Свирина

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, dsvirina@eu.spb.ru

Аннотация. Статья посвящена представлениям о труде русских немцев, переживших депортацию в 1941 г. Основные источники исследования – интервью с людьми, которые были депортированы из Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья в Красноярский край и остались там жить. Анализируя рассказы информантов, можно увидеть особое понимание ими труда: трудолюбие было важным качеством, характерным для немцев как этнической группы, и такой взгляд определил представление об их судьбе в России.

Ключевые слова: труд, российские немцы, устная история, память

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РФ № 20-18-00342 «Институциональные и неинституциональные ритуалы в структуре позднесоветского общества (1956–1985)» (разделы «Введение», «Образцовая трудовая автобиография и немецкая исключительность» и «Заключение») и гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири» (разделы «Амбивалентность “труда”?» «Исторический контекст: из немцев-колонистов в “советские немцы”», «“Колонистский” труд немцев и память о нем сегодня»).

Для цитирования: Свирина Д.В. Постоянная «колонизация»: представление российских немцев о труде // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 171–179. doi: 10.17223/19988613/79/21

Original article

Permanent “colonization”: Russian-Germans' view of labor

Daria V. Svirina

University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, dsvirina@eu.spb.ru

Abstract. This article discusses the labor ethics of Russian-Germans who survived deportation in 1941 and lived in special settlements. The widest range of questions concerns the narrativization of the story of deportation and its consequences in the memoirs of this group. The main sources are written memoirs and interviews with people who were deported from the Volga German Autonomous Soviet Socialist Republic to the Krasnoyarsk Krai and still have been living there. Most of these sources were collected during expeditions in 2016 and 2017 to several rural areas: Karatuzskii, Kuraginskii, Krasnoturanskii, Irbayskii districts. The author provides the analysis of the Russian-Germans identity, paying special attention to the question of their "Germanness". Analyzing their stories, the author highlights special understanding of labor: diligence, as an important quality, was characteristic of the Germans as an ethnic group, and through which their fate in Russia is determined. What role did labor play for informants? Where is it possible to draw a line in the understanding of labor when talking about the Soviet and national contexts? Labor was one of the most significant categories in Soviet life. The sources in question demonstrate that Russian-Germans have assimilated Soviet practices and values. Their work experience and labor merits became the prism of consideration of the Soviet past among deported Germans. When the informants started talking about their life path, they also turned to their work biographies, which manifested itself in stories about achievements, supported by diplomas, etc. The Soviet experience also determines their national identity, based on the idea of German diligence. However, the importance of labor remains high even after the collapse of the Soviet Union. Labor continues to be an important value in the views of Russian-Germans, and diligence remains an integral quality of Germans. The motive of labor, the idea of labor took place in memories that characterized Germans as knowing how to work, not being afraid of work, always working well. In this point the author finds the ambivalence of labor and diligence in the informants' representation. On the one hand, labor is important when telling about the Soviet experience. On the other hand, in the stories about labor, the informants' ideas about German national qualities are revealed. Thus, the idea of labor is influenced by the Soviet narrative form about labor. But already in the late Soviet years and the modern period, there is a rollback to ethnic, forgotten meanings that fill the idea of work with their new meaning.

Keywords: labor, Russian-Germans, oral history, memory

Acknowledgements: The publication was prepared within the framework of the grant of the Russian Science Foundation grant № 20-18-00342 “Institutional and non-institutional rituals in the structure of late Soviet society (1956–1985)” (sections “Introduction”, “Exemplary Labor Autobiography and German Exceptionalism” and “Conclusion”) and the Russian Federation Government, project № 075-15-2021-611 “Human and the changing Spaces of Ural and Siberia” (sections “Ambivalence of “labor”?”, “Historical context: from German colonists to “Soviet Germans””, ““Colonist” labor of Germans and the memory of it today”).

For citation: Svirina, D.V. (2022) Permanent “colonization”: Russian-Germans' view of labor. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 171–179. doi: 10.17223/19988613/79/21

Введение

Советские немцы были переселены в 1941 г. за потенциальное сотрудничество с фашистской Германией вследствие своей национальной принадлежности. По переписи населения СССР 1939 г. на территории Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья (АССР НП) проживало около половины всех немцев в СССР – 366 700 человек, которые подверглись депортации из европейской части СССР в Сибирь и Казахстан, в результате чего утратили свою государственность: была ликвидирована их автономия [1. С. 104]. Все они оказались в спецпоселениях – специфическом органе ГУЛАГовской системы, возникшей в 1930-х гг., когда происходило массовое «раскулачивание» крестьян, и просуществовавшей до 1956 г., когда спецпоселения были упразднены [2]. Немцы оказались самым большим контингентом в структуре, составляя около половины от общей численности спецпоселенцев [3. С. 3]. В условиях войны депортированные немцы могли в некоторой степени решить проблему нехватки трудовых ресурсов в регионах переселения. Они могли быть полезными благодаря высокому образовательному уровню и квалификации в сравнении с местным населением. Однако в основном их направляли в сельскую местность, где им часто приходилось выполнять малоквалифицированную работу [Там же. С. 116–122].

Положение, в котором оказались российские немцы в результате депортации, активно изучается с середины 1990-х гг. Исследователи определяют причины и условия реализации переселений, регионы, куда население было направлено, действия центральной и местной власти по приему и размещению переселенцев, демографические тенденции в среде депортированных или гендерные аспекты их жизни [4–9]. За счет депортированных лиц заселялись и осваивались новые необжитые территории, а ГУЛАГ рассматривается как система мер по повышению там производительности труда [10–12]. Цель данной статьи – анализ смыслов, которые содержит в себе категория «труд» в представлениях российских немцев разных поколений, а также их влияние на определение идентичности.

Труд, по мнению Эмилии Кустовой, которая изучала ссыльных литовцев в 1949 г., выступал в качестве «главного вектора адаптации» в новых условиях. Несмотря на принудительный характер, труд мог выполнять позитивную роль в жизни депортированных: физическое выживание, преодоление стигматизации, социальная мобильность и даже интегрирование в более широком смысле – советизация, что означает «не только ассимиляцию официально санкционированных практик и ценностей, но и включение индивида в неформальные сети и обмены, а также овладение им тактикой избегания и умением манипулировать правилами советского общества» [13. Р. 591]. Одним из факторов советизации был общий для всех граждан СССР

военный и поствоенный опыт. В собранных исследовательницей интервью трудовые тяготы военного и поствоенного времени показывают включенность бывших спецпоселенцев в общий советский нарратив, основанный на общем военном прошлом.

Другой образец концептуализации труда в интервью с депортированными демонстрирует Л.Б. Четырова на примере калмыков, переселенных в 1943 г. Она интерпретирует понятие труда посредством установления его смыслов и мотивов информанта. В условиях спецпоселения идентичность информантов трансформировалась – от калмыцкой традиционной к советской модернизаторской. Как и депортированные литовцы, калмыки ассимилировались в новых условиях, и этнические традиционные представления о жизни сменились на новые надэтнические советские нормы [14].

Для изучения степени рефлексии информантов над историей семьи и общности, их субъективных оценок исторических событий использовался метод нарративного интервью. В центре внимания автора находились темы, касающиеся депортации немцев, истории семьи и биографии информанта. Интервью были собраны в рамках двух экспедиций в населенные пункты Красноярского края: историко-культурной экспедиции Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева и Красноярского общества «Мемориал» по сбору устных свидетельств репрессированных в Каратузском районе Красноярского края с 4 по 10 июля 2016 г. и экспедиции Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева в Курагинский район Красноярского края с 7 по 17 июля 2017 г.

Большинство информантов можно отнести к одному поколению родившихся в 1930–1950-х гг. Во процессе рассказов люди обращались к материальным объектам (книги, документы, фотографии), которые помогали им в беседе. Часто при встрече информанты делились этим «мемориальным» капиталом. Редко, но возникают письменные воспоминания их родных. Эти материалы, как и собранные интервью, созданы в постсоветский период. Письменные воспоминания представляют собой автобиографии и вызваны желанием сохранить рассказ о судьбе их авторов для потомков. Содержание данных текстов дополняет и даже более четко выражает идеи, услышанные в беседе с информантами. Рассмотрим некоторые из них.

Амбивалентность «труда»?

Ольга Яковлевна родилась в 1956 г. в семье депортированных немцев в условиях спецпоселения в Красноярском крае и всю жизнь прожила в с. Курагино на юге Красноярского края, куда ее семья попала после депортации немцев в 1941 г. Она окончила 10 классов школы, после чего началась ее рабочая биография. Во время интервью она говорила, что ее дети и пле-

мянники «не пьют и не курят», что они все работают. Эти качества, которые она оценивала положительно, по ее мнению, передаются благодаря важной роли генов, иными словами, определенные качества наследуются через кровнородственные связи:

«Все работают. Вот, все-таки, вот эти гены все равно [влияют], хоть всю жизнь вот тут живем. Раньше был поселок Маринино [Курагинский р-он, Красноярский край], тут жили родственники наши [немцы], они все уехали [в Германию], но пока они там жили совхоз процветал, только они съехали – все... Все пошло на упадок, потому что трудолюбивый был очень народ, что они понимали, что напиться там, погулять, не выйдя на работу – этого не было, только знали одно “Надо!” и все» [15].

Эти слова были сказаны в 2017 г., и в них положение человека-работника выступает важным критерием для его оценивания. С одной стороны, Ольга Яковлева озвучила своеобразную директиву, усвоенную в советское время: «...знали только одно “Надо!” и все». Фраза «Надо!» подчеркивает отношение к труду как к обязанности – ты не имел права уклоняться от труда. С другой стороны, она рассказывала о немцах, которые жили в одной из ближайших деревень, подчеркивая их трудолюбие. Идея о трудолюбии помогала информантке говорить о немцах не как о подневольных рабочих, а как волевых «осваивателях», потому что «совхоз процветал» благодаря труду немцев.

Таким образом, можно обнаружить два ряда смыслов, которые вкладываются в понимание труда у российских немцев. С одной стороны, идеологические советские установки способствовали концептуализации труда как культа советского гражданина. С другой стороны, труд для немцев был связан с семьей и культурой их общности. В дальнейшем автор обратится к тому, как эти аспекты связаны друг с другом через анализ нарративов российских немцев и исторического контекста.

Исторический контекст: из немцев-колонистов в «советские немцы»

Согласно Уставу о колониях иностранцев в Российской империи 1857 г., который вообрал в себя и систематизировал основные положения, принятые в отношении колонистов, колонист в Российской империи – это иностранец, получивший в частное владение земельный участок, обладающий земледельческими или ремесленными умениями (ст. 110) [16]. В ст. 112 уточняется, что те иностранцы, которые «для деревенской жизни бесполезны, за колонистов признаваемы быть не могут». Они освобождались от рекрутской повинности (ст. 190) и были свободны в выборе вероисповедания (ст. 120). Львиная доля норм этого устава регулировала положение колонистов в отношении земельных участков, которые они получили: право на имущество, право наследования, повинности и подати, положения о занятии сельским хозяйством. Подобное соотношение норм закрепило за колонистами их основную деятельность – освоение пустующих земель Российской империи. Среди прочих обозначенную роль выполняли и немецкие поселенцы на Волге.

В таких условиях формировалось представление о трудолюбии немцев, которое культивировалось у немцев-колонистов имперскими властями для закрепления в их культуре тех черт, которые были необходимы для хозяйственного освоения земель. То есть власти создавали или поддерживали те стереотипы, которые были полезны с точки зрения хозяйственного освоения территорий. И в набор наиболее предпочтительных характеристик типичного немца должно было входить трудолюбие [17. С. 406].

До конца имперского периода каждое поселение-колония немцев в районах Поволжья рассматривалось отдельно от другого и в этнографических и исторических исследованиях, и в описаниях чиновников [18]. Причинами тому были определенная изоляция от русского населения и разобщенность колоний между собой. У немцев-колонистов так и не сформировался свой культурно-хозяйственный центр. Этому способствовало то, что колонисты были выходцами из различных земель и, несмотря на схожесть, имели значительное разнообразие в быте, обычаях, языке, религии [19. С. 12–13].

В будущем для поволжских немцев важную роль в формировании их национальной целостности будут играть заметки Я.Е. Дитца, написанные им до 1917 г. Он – уроженец немецкой колонии, депутат Государственной думы России первого созыва – писал о культуре поволжских немцев-колонистов, чьи поселения проезжал во время рабочих поездок в 1906 г. из Камышина в Саратов, когда он был редактором газеты «Поволжский край». Несмотря на обобщающие колонии заметки, он писал только о части немецких колоний, расположенных в Саратовской губернии, в то время как были колонии и в соседней Самарской губернии. При этом он мало затрагивал вопросы социального и экономического положения колоний [20].

После того как большевики захватили власть, уже весной 1918 г., был образован Поволжский комиссариат, который должен был заняться вопросами формирования немецкой автономии на Волге, а в октябре того же года создана Автономная область немцев Поволжья, которая в 1923 г. была преобразована в Автономную Советскую Социалистическую Республику немцев Поволжья. Статус поволжских немцев-колонистов как коренного населения берегов Волги дал им возможность сформировать АССР НП, в результате развития которой к концу 1930-х гг. можно говорить о формировании новой «социалистической идентичности» поволжских немцев, которая наиболее точно выражается в категории «советские немцы» [21. С. 344].

Сформированный «советско-немецкий народ» стал одним из результатов первоначальной большевистской политики в отношении народов на постимперском пространстве. История формирования АССР НП является успешным примером процесса, который в литературе обычно называется строительством наций и характеризует национальную политику большевиков в 1920–1930-е гг. [22–24]. Представление у бывших немцев-колонистов об их народной целостности сформировалось как раз в советский период, когда и появились «советские немцы».

Вторая мировая война и последовавшая в 1941 г. депортация немцев, проживавших в районах Поволжья, прервала развитие «советских немцев» как национальной общности. В 1956 г., уже после смягчения режима и ликвидации спецпоселений, немцы предпринимали попытки восстановить свой довоенный статус. В результате возникло движение советских немцев (1965–1991), основной целью которого было восстановление немецкой автономии – границ и статуса национальной территории, на которую имел право «советско-немецкий народ», как и другие народы СССР.

Всего в истории движения было предпринято пять делегаций в Москву для решения национального вопроса советских немцев. Отголоски диалога о восстановлении немецкой автономии в СССР между властью и советскими немцами показывают, что обе стороны разделяли идею о немецком трудолюбии. 7 июля 1965 г., во время приема второй делегации, положительную оценку труда советских немцев высказал А.И. Микоян, на тот момент председатель Президиума Верховного Совета СССР: «Советские немцы вели себя хорошо во время войны, после войны и ведут себя хорошо и сейчас. Они хорошо работают. Сейчас в целинном краю вести сельское хозяйство невозможно без немцев» [25. Р. 34]. Через 11 лет после первых двух делегаций советских немцев в Москву один «гражданин СССР, немец по национальности», К. Вуккерт отреагировал на эти слова Микояна в своем письме, в которых поднимал проблемы немцев в СССР: «Граждане-немцы ценятся как надежная рабочая сила» [Ibid. Р. 3], на основе чего выходит, что «положительные качества национального характера немцев превращаются для них в проклятье», а «главной причиной нежелания советского правительства решить проблемы своих граждан-немцев в соответствии с принципами ленинской национальной политики является ценность немцев как рабочей силы, находящейся как раз в тех районах, где нужда в рабочей силе наибольшая» [Ibid. Р. 4].

«Ценность немцев как рабочей силы» вызывает у автора письма гордость за «положительные качества национального характера немцев». Это не подвергается сомнению ни у носителей этого качества – немцев, ни у представителей советской власти. СССР был государством, в котором труд был наивысшей ценностью, однако в случае с советскими немцами их трудовые заслуги не принимались за весомый аргумент в решения их национальной проблемы – отсутствия национальной автономии. По словам Микояна, немцы были нужны в целинном краю. То есть немцы продолжали выполнять миссию «осваивателей» неосвоенных пространств. Поэтому хоть они и стали «советскими немцами», но «колонистами» быть не перестали.

«Колонистский» труд немцев и память о нем сегодня

Вольдемар Карлович Шнайдер был активным участником движения советских немцев, членом второй делегации и до последнего надеялся на восстановление немецкой автономии. Его надежды были связаны с новым пространством, пусть даже пустым, неосвоенным,

где его народ своим упорным трудом смог бы восстановить цветущие сады, поля и кров, которых он лишился в результате депортации.

Шнайдер был бы рад немецкой автономии в Казахской степи, как следует из его стихотворения: «Кусок земли всего лишь надо нам, / пусть высохшей, пусть Казахстан». История этой территории уже была связана с депортацией из Крес (Вольни) в 1920-е гг. В исследовании Кейт Браун о Кресах – пограничной территории между современными Украиной, Белоруссией и Россией, она хотела понять, как Кресы за первые три десятилетия советской власти трансформировались из разнообразной территории в этническом, религиозном и культурном планах в гомогенную украинскую глубинку. Определенную роль в этой трансформации она отвела депортации поляков и немцев в 1929 г. из Крес в Казахстан. После разговоров с теми из них, кто продолжает жить в Казахстане, она пришла к мысли о том, что их идентичность трансформировалась. Так, в 1990-е гг. они переосмыслили свое прошлое и находили себе место в общей советской истории не как депортированные, а как колонизаторы и модернизаторы казахской степи [26. С. 173–191].

Я следую некоторым из аргументов К. Браун – речь идет о том, что в рассказах депортированных поволжских немцев, которые остались жить в Сибири, сохраняется представление об их «колонистской» роли. В этом смысле поволжские немцы успешно становились советским народом и не переставали быть колонизаторами, в смысле К. Браун, они несли прогресс там, где появлялись, и успешно налаживали хозяйство. И как раз представления немцев о труде вообще и немецком трудолюбии в частности транслируют идею о колонизаторской роли немцев.

Отправляясь в экспедиции, я ожидала услышать истории о трагической судьбе человека, постоянных гонениях по национальному признаку и тяготах налаживания существования. И, конечно, я услышала такие рассказы. Но они были гораздо сложнее, многие истории были о том, что немцы успешно осваивали те места, в которые попали.

Анастасия Григорьевна родилась в 1955 г. в семье немецких спецпоселенцев в селе Каратузское на юге Красноярского края. Она знает о депортации и последующих тяжелых годах жизни из рассказов родителей. Я попросила рассказать про то, как ее родители оказались в Сибири. Она начала рассказ с начала войны, когда маме с папой было всего по тринадцать лет, они еще детьми были. «Когда родителей начали туда ссылать с Поволжья, они жили где-то там, [в] Камышино <...> Как мы от родителей слышали, дедушка с бабушкой жили там, имели все, а когда война началась, у них все это забрали, скотину зарезали. Сказали: “Вот вам сутки, и чтобы вы собрались в дорогу и съехали”. Ну что можно было за сутки сделать?» [27]. Она продолжала историю: «Мама с папой говорят, мы приехали, здесь зима, холодно, хотя они уже осенью приехали. Война-то началась летом, а они приехали как раз на зиму, осенью. Ни жилья, ничего, и все что какие-то деньги у них были, кое-как что-то купили, чтобы зиму пережить [Там же].

В этом рассказе «24 часа» становятся объяснением бедственного положения депортированных после переселения. За такой короткий срок ее семья потеряла все, что имела. Рассматривая жизнь через эту призму, у информантки возникает убежденность в том, что до депортации люди имели «цветущие сады» и в целом жили хорошо, хотя точных сведений уже нет. Однако в ее представлениях было все, что нужно для хорошей жизни: дома, скот, хозяйство и т.п. После депортации наступил период, когда пришлось учиться жить в новом месте и делать его пригодным для жизни. Вновь советские немцы, как и их предки-колонисты, осваивали земли.

Депортированные родители Анастасии Григорьевны попали на пустое место, на «голую кочку». Но все эти трудности удалось преодолеть: «...здесь они сами, по-моему, своим трудом всего добились. Только личным своим трудом. Они трудились во время войны не покладая рук. <...> Приспосабливались, выживали» [27]. Несмотря на трагичность всей истории о депортации, родители рассказчицы смогли выжить в тяжелых условиях благодаря своему труду.

Другой информант, Владимир Григорьевич, также рассказывал о жизни после депортации, что его мать работала, что семья обзавелась хозяйством, что он, его брат и сестра получили высшее образование. После этого он стал в Томске работать инженером-конструктором, здесь – [д. Ирба, Курагинский р-н, Красноярский край] уже тридцать пять лет на руднике был. Но рудник закрыли. Закрылся... В Туве пять лет работал на производстве на вредном, потом сюда приехал. Здесь горными работами занимался. Начальником отдела, начальником конструкторского отдела [28].

Информант продолжал рассказывать про жизнь после депортации и обобщил, что «жили хорошо со всеми. Хотя в деревне – половина русских, половина немцев была. Но такого резкого, знаете, гонения какого-то, не было. Хорошо жили. Но потому что как-то мы везде приживались хорошо. Работать любили. Как-то вот, трудяги были, чё?!» [Там же]. И эти его слова о том, что они хорошо жили со всеми, отсылают к прошлому опыту немцев в России.

Из слов Владимира Григорьевича следует, что жизнь после депортации в какой-то мере зависела от тех отношений, которые складывались у депортированных немцев с местным населением, преимущественно состоящим из русских. Война давала повод последним обращаться к немцам с презрением, и информант, понимая это, оговаривается: «...хотя в деревне – половина русских, половина немцев была», – они жили хорошо. И потом объясняет, почему не было места гневу и злобе в отношении немцев в его селе: «...потому что как-то мы везде приживались хорошо», – а приживались хорошо, потому что любили работать и были трудягами. И эта особенность немцев вызывала даже уважение, «потому что знают, что немцы вроде как трудяги». Тем самым рассказчик транслирует идею о трудолюбии немцев, которое было важным условием для существования, и, более того, они трудились «хорошо».

Точка зрения Владимира Григорьевича не возникла из воздуха. Для подтверждения такого расклада он

уточняет, что «Поволжье – это же орусевшие немцы. Мы же трудяги были там. На земле, они целые деревни, целые поселения создали своими руками. Но зачем это ломать было, не знаю». То есть он обращается к истории немцев-колонистов, которая помогает ему объяснить особенности и его жизни, ведь он, как и поволжские немцы-колонисты, трудяга, и его семья повторила в какой-то мере судьбу предков в Сибири после депортации.

И Владимир Григорьевич, и Анастасия Григорьевна не покинули сибирскую землю, на которой их родители оказались не по своей воле. Однако многие все же эмигрировали в Германию – на историческую родину своих предков. В результате складывалось представление, что пока немцы «жили – совхоз процветал, только они съехали – все... Все пошло на упадок, потому что трудолюбивый был очень народ» [15].

Образцовая трудовая автобиография и немецкая исключительность

Относительно практик рабочих 1930-х гг. в рамках нового советского промышленного города Магнитогорска Стивен Коткин сделал заключение, что «...для советского рабочего роль важного ритуала в определении его места среди других играла его трудовая биография» [29. Р. 216]. Магнитогорский рабочий был обязан иметь трудовую биографию, в которой отражалась его трудовая деятельность в политически значимых категориях.

Трудовая биография складывалась из различных документов: анкеты, характеристики и личной карточки, которые заполнялись рабочими каждый раз при приеме на работу. Частое заполнение анкет для трудоустройства или обновления данных на прежнем месте работы повлияло на способ нарративизации собственного жизненного пути у советского человека. Со временем задачи и содержание таких анкет менялись, но за трудом закрепился важнейших критерий саморепрезентации, а трудовая (авто)биография стала распространенным ее жанром оставаясь такой и в постсоветское время [Ibid. Р. 217].

Несмотря на большой временной разрыв между рабочими Магнитки, которые должны были подтвердить свою лояльность режиму, и В.К. Шнайдером, который писал свою автобиографию в 1994 г. на память своим друзьям, трудовой опыт для последнего стал основой повествования о себе. Его автобиография уместилась на девяти листах большого блокнота. Он подробно расписывает свой трудовой путь, связанный с энергетической сферой. В его повествовании все началось с обучения на заочном отделении Всесоюзного политехнического института (Москва), по окончании которого в 1965 г. он получил специальность инженера тепловых энергетических установок электрических станций. После этого он «энергетикой занимался 33 года» и прошел путь от рядового инженера электростанций до руководящих должностей на электростанциях Красноярского края и Бурятии.

«Энергетикой занимался 33 года, из них 22 посвятил КАТЭКу. Специалистом я стал на Назаровской

ГРЭС, где прошел путь от рабочего до директора, пройдя за 16 лет все ступени. На Н[назаровской]ГРЭС проработал 19 лет, получил 6 наград, в том числе орден “Знак почета”. <...> На ней [Бурятская энергосистема] получил две награды? в том числе и знак “Отличник энергетик”. Экибастузская ГРЭС была самой крупной тепловой электростанцией в Союзе, <...> и была самая запущенная. Три кандидата отказались [руководить Экибастузской ГРЭС]. Когда со мной беседовал министр энергетики СССР, он сказал: “Ты немец, ты справишься”. На ней [Экибастузской ГРЭС] я получил орден Трудового Красного Знамени за два года работы» [30].

В.К. Шнайдер достаточно подробно расписывает свой профессиональный путь, он указывает годы и должности, на которые его назначают, награды, которые получает. В этом смысле он не нарушает рамки, которые сводили к минимуму или опускали личную информацию и рассматривали историю жизни человека как часть более широкого исторического момента. Таким образом, автор подчеркивал свою рабочую идентичность не без гордости [31. Р. 174].

Тем не менее Шнайдер намекает на свою исключительность, которая основана на его немецком происхождении, что не противоречило, а даже укрепляло его положение как рабочего. Он писал, что Экибастузская ГРЭС отличалась своими мощностями и объемами производства, она «была самой крупной тепловой электростанцией в Союзе, на ней было восемь энергоблоков по 500 МВт, работали 8 100 человек, и была самая запущенная» [30]. Как уже известно, ему предложили руководящую должность на этой ГРЭС, от чего до него отказались три кандидата. Но он был немцем, поэтому не было сомнений в том, что он мог справиться с «запущенностью» на предприятии. На последних страницах Шнайдер кратко пишет о жене и детях, об увлечении поэзией и своей роли в защите прав советских немцев, и все это дополняет его послужной список [Там же].

Не менее важное место труд занимает и в воспоминаниях А.А. Леонгарда. Он, как и В.К. Шнайдер, был ребенком во время депортации поволжских немцев; как и у Шайдера, его семья попала в Красноярский край, но на полкилометра южнее, в пос. Степановка Ирбейского района. Свои воспоминания он решил записать «по инициативе детей, чтобы оставить память о себе внукам и правнукам» [32. С. 3].

Краткая история его жизни сводится к тому, что в 1939 г. он пошел в школу. После депортации его школьное образование прекратилось – в семье не хватало материальных средств, и к тому же дети в семье не знали русского языка. В 1942 г. отца забрали в трудовую армию, после чего он подрабатывал сапожником. В 1947 г. вместе с отцом строили дом для своей семьи. С 18 лет устроен в сплавной участок, там местная учительница преподавала русскую грамоту – так Александр Александрович выучился писать и читать на русском. В 1951 г. в Степановке открыли лагерный участок (закрыт в 1957 г.), где заготавливали лес. В цеху этого лагеря А.А. Леонгард вместе с отцом заготавливал древесину. В 1957 г. был переведен в бри-

гадыры, руководил ремонтом бараков в поселке, строительством капитального деревянного моста через р. Кунгус. Долгое время работал бригадиром на других поселковых стройках. В 1992 г. вышел на «заслуженный отпуск (пенсию)» [Там же. С. 30].

В отличие от автобиографии В.К. Шайдера воспоминания А.А. Леонгарда можно назвать гибридом трудовой автобиографии и мемуаров. Историю своей жизни он вписывает в исторические события, главными из которых являются депортация поволжских немцев и ее последствия для него и его семьи. Жизненный путь дополняется маленькими рассказами о женитьбе и увлечении игрой на гармошке. Однако, как и в трудовых автобиографиях, автор строит все повествование вокруг своей трудовой деятельности, на основе которой выстраивается общее повествование воспоминаний.

Трудовая автобиография – звено, которое соединяет советские социальные требования и идеалы, с одной стороны, и основу самовосприятия советских немцев как трудолюбивого народа – с другой. Это наводит на мысль, которую раскрывает Коткин: трудовая деятельность – это деятельность, ставшая практикой интеграции в советское общество, строившееся по классовым нормам [29. Р. 254].

В завершение описания своего трудового пути А.А. Леонгард делает итоговое резюме своих заслуг: «Трудовой стаж – 48 лет. За многолетний добросовестный труд награжден: медалью “Ветеран труда”, значком “Отличник социалистического соревнования Минлесбумдревпрома СССР”, значком “Победитель соцсоревнования” 1973 г., значком «Победитель соцсоревнования» 1974 г.» [32. С. 3]. Упоминания о наградах имеются и в автобиографии В.К. Шайдера. В обеих историях награды являются венцом трудового пути. В беседе информанты также обращались к истории своей трудовой деятельности в колхозах, трудовым заслугам. В 1979 г., когда В.К. Шнайдер и А.А. Леонгард еще не ушли на пенсию, вышла последняя в СССР редакция «Общего положения об орденах, медалях и почетных званиях СССР». В этом документе общественно полезный труд занимает высшее место в иерархии ценностей после защиты отечества и воспитания подрастающего поколения. И информанты продолжали подчеркивать свои трудовые заслуги с помощью демонстрации наград:

«Что тебе ещё? Медали показать? <...> Ордена [уходит в соседнюю комнату]. <...>. Вот, у меня дипломы есть. Видишь? – Что заработала. Дипломы. <...>. Так, видишь, что мне давали-то?» [33]. Даже когда речь идет не об отдельном человеке, а про весь советско-немецкий народ в Поволжье, результаты труда продолжают оставаться важным мерилом заслуг перед советским обществом. В одном из немногих документальных фильмов о депортации поволжских немцев «Изгой. Драма без финала» (М. Вермишева, ЦСДФ, 1991) достижения и результаты целого народа подчеркивают соответствие их деятельности общепринятым нормам. Немцы-колонисты благодаря своему труду смогли обработать пустующие земли Поволжья, быстро получить хороший урожай, развить скотовод-

ство, построить дома, школы, создать хорошую инфраструктуру, и государство «в ответ на их работящую лояльность образовало Автономную Советскую Социалистическую республику немцев Поволжья», которая имела высокие показатели в сельском хозяйстве. Вся деятельность немцев в этом фильме оценивается через призму результативности их труда, эффективность которого стала доводом для формирования немецкой автономной республики.

«Награды стали важным ритуалом признания среди равных себе или у других социальных групп» – писал С. Коткин о рабочих Магнитогорска [29. Р. 272.]. В своем сборнике стихов В.К. Шнайдер сделал запись о том, что «...в 1934 г. республика немцев на Волге получила орден за высокий урожай, а в 1941 г. всех сослали в Сибирь, за пособничество фашизму, хотя никакой связи с фашистами не было» [30. С. 15]. В этой цитате автор демонстрирует несоответствие обвинений с заслугами народа. Логика в этих словах такая, что немцы были награждены за эффективный труд, что означало их лояльность советскому режиму, но, несмотря на это, их обвинили в обратном.

Заключение

Исследование позволило выделить особенности представлений о труде среди российских немцев. Воспоминания депортированных немцев демонстрируют, что они, потеряв важные маркеры «немецкости», среди которых язык и религиозные представления, продолжают опираться на идею немецкого трудолюбия как важный маркер немецкой идентичности. Обращение к истории народа показывает, как формируется значимость данной черты.

С момента заселения немцами свободных земель формировалось устойчивое представление о них как

о трудолюбивом народе. Главным образом это нашло отражение в официальных источниках имперского периода. После революции данная идея продолжала функционировать в официальном дискурсе советской власти, была важной частью формирования «советских немцев» и перешла в представления немцев о самих себе. После депортации особое отношение к труду артикулировалось в вопросе восстановления немецкой автономии и применялось как аргумент в пользу его решения.

Кроме специфической значимости труда для идентичности российских немцев, данная категория играет большую роль в осмыслении советского опыта и опыта депортации. Один из информантов сказал, что его родители до депортации «в городе жили, я знаю, что они очень много работали, ну, немцы вообще много работают. Дедушка был мастерской. <...> Вообще вся политика была такая, они совершенно были не виноваты ни в чем, они просто трудяги, просто жили в России» [34]. Несмотря на то, что идеализация труда проявляется в национальном аспекте, она же свойственна трансляции советского опыта и проявляется в практике написания автобиографий, акцентировании трудовых заслуг.

Уже спустя десятилетия после распада СССР немцы, оставшиеся жить в местах бывших спецпоселений, рассказывают о своем прошлом с позиции трудового опыта, который, являясь советским, одновременно позволял сохранить связь с историческим и культурным опытом предков-немцев. Эта связь помогает понять, почему сегодня, вне Советского Союза, советский опыт актуализируется среди российских немцев. Трудолюбие – звено, которое соединяет советские и национальные представления о труде. Трудолюбие – сильный маркер немецкой идентичности, который закрепился за немцами в советский период.

Список источников

1. Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М. : О.Г.И.-Мемориал, 2001. 328 с.
2. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов / отв. ред и сост. О.В. Хлевнюк. М. : РОССПЭН, 2004. 624 с.
3. Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг. : историко-правовое исследование. М. : РОССПЭН, 2008. 359 с.
4. Pohl O. The Persecution of Ethnic Germans in the USSR during World War II // The Russian Review. 2016. Vol. 75. P. 284–303.
5. Mukhina I. The Germans of the Soviet Union. New York : Routledge, 2007. 256 p.
6. Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М. : РОССПЭН, 2003. 288 с.
7. Славина Л.Н. Немцы в Красноярском крае (некоторые итоги демографического и социокультурного развития в условиях спецпоселения) // Немцы России и СССР (1900–1941 гг.) : материалы Междунар. науч. конф. М., 2000. С. 503–516.
8. Шадт А.А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955) : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. 258 с.
9. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» М. : АИРО-XX, 1995. 322 с.
10. Бельх Н.Ю. Экономика ГУЛАГа как система подневольного труда: на материалах Вятлага, 1938–1953 гг. М. : РОССПЭН, 2011. 293 с.
11. ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М. : РОССПЭН, 2008. 320 с.
12. Lynne V. The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2007. 320 p.
13. Kustova E. (Un) returned from the Gulag: Life Trajectory and Integration of Postwar Special Settlers // Kritika. 2015. Vol. 16, № 3. P. 589–620.
14. Chetyrova L. The Idea of Labor Among Deported Kalmyks: Kalmyks Resilience Through Celebration in the Gulag // Mongolian Studies. 2011. Vol. 33. P. 17–31.
15. МОЯ, 1953, КГПУ, Курагино, 2017, ПФ–29. (Здесь и далее указаны шифры аудиозаписей с информантами: инициалы информанта, год рождения, организации? проводившие полевое исследование и хранящие его материалы (КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева и / или Мемориал – Красноярское общество «Мемориал»), место проведения интервью, год проведения и порядковый номер полевой фоно-записи в общем списке).
16. Устав о колониях иностранцев в Империи // Свод законов Российской империи. СПб. : Тип. Второго jтд-ния Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. Т. XII, ч. II: Уставы о городском и сельском хозяйстве, о благоустройстве в казенных и казачьих селениях, и о колониях иностранцев в империи.
17. Прокопьева Н. К вопросу о формировании этнической культуры российских немцев // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941) : материалы 8-й Междунар. науч. конф., Москва, 13–16 октября 2001 г. / науч. ред. А. Герман]. М. : МДЦ Холдинг, 2002. С. 403–408.

18. Чеботарева В.Т. Социально-экономические аспекты жизни немецких колоний в российской историографии (40-е годы XIX в. – 1917 г.) // Российские немцы: историография и источниковедение. М. : Готика, 1997. С. 21–42.
19. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М. : МСНК-пресс, 2007. 576 с.
20. Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. М. : Готика, 2000. 496 с.
21. Герман А.А. Трансформация национальной идентичности поволжских немцев в 1918–1941 годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 3. С. 340–344.
22. Slezkine Yu. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994. Vol. 53, № 2. P. 414–452.
23. Terry M. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca : Cornell University Press, 2001. 528 p.
24. Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca : Cornell University Press, 2005. 392 p. (Culture and Society after Socialism).
25. Vera and Donald Blinksen. Open Society Archives at Central European University, Budapest (HU OSA). HU OSA 300-85-9:72/26 AS 2811.
26. Brown K. A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2004. 308 p.
27. ОАГ, 1955, КГПУ–Мемориал, Карагузское, 2016, ПФ–19.
28. ЛВГ, 1945, КГПУ, Ирба, 2017, ПФ–44.
29. Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley : University of California Press, 1995. 639 p.
30. Шнайдер В.К. Полвека в ссылке : [рукопись]. 1995. Копия в архиве автора.
31. Fitzpatrick S. Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth Century Russia. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2005. 353 p.
32. Леонгард А.А. Я вспоминаю. Красноярск, 2012. 32 с.
33. ГЕФ, 1936, КГПУ–Мемориал, Сагайское, 2016, ПФ–80.
34. КВВ, 1949, КГПУ, Моторское, 2017, ПФ–60.

References

1. Polyan, P. (2011) *Ne po svoey vole... Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsiy v SSSR* [Not by choice... History and geography of forced migrations in the USSR]. Moscow: O.G.I.-Memorial.
2. Khlevnyuk, O.V. (ed.) (2004) *Istoriya stalinskogo Gulaga. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov* [History of Stalin's Gulag. The end of the 1920s – the first half of the 1950s]. Moscow: ROSSPEN.
3. Belkovets, L.P. (2008) *Administrativno-pravovoe polozhenie rossiyskikh nemtsev na spetsposelenii 1941–1945 gg.: istoriko-pravovoe issledovanie* [Administrative and legal status of Russian Germans in the special settlement in 1941–1945: a historical and legal research]. Moscow: ROSSPEN.
4. Pohl, O. (2016) The Persecution of Ethnic Germans in the USSR during World War II. *The Russian Review*. 75. pp. 284–303.
5. Mukhina, I. (2007) *The Germans of the Soviet Union*. New York: Routledge.
6. Krasilnikov, S.A. (2003) *Serp i Molokh. Krest'yanskaya ssylka v Zapadnoy Sibiri v 1930-e gody* [Sickle and Moloch. Peasant exile in Western Siberia in the 1930s]. Moscow: ROSSPEN.
7. Slavina, L.N. (2000) Nemtsy v Krasnoyarskom krae (nekotorye itogi demograficheskogo i sotsiokul'turnogo razvitiya v usloviyakh spetsposeleniya) [Germans in the Krasnoyarsk Territory (some results of demographic and sociocultural development in the conditions of a special settlement)]. In: German, A.A. (ed.) *Nemtsy Rossii i SSSR (1900–1941 gg.)* [Germans of Russia and the USSR (1900–1941)]. Moscow: Gotika. pp. 503–516.
8. Shadt, A.A. (2000) *Spetsposelenie rossiyskikh nemtsev v Sibiri (1941–1955)* [Special settlement of Russian Germans in Siberia (1941–1955)]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
9. Bugay, N.F. (1995) *L. Beriya – I. Stalinu: “Soglasno Vashemu ukazaniyu...”* [L. Beria – to I. Stalin: “According to your instructions ...”]. Moscow: AIRO-XX.
10. Belykh, N.Yu. (2011) *Ekonomika GULAGA kak sistema podnevol'nogo truda: na materialakh Vyatлага, 1938–1953 gg.* [The economy of the Gulag as a system of forced labor: on the materials of Vyatlag, 1938–1953]. Moscow: ROSSPEN.
11. Borodkin, L., Gregory, P. & Khlevnyuk, O. (eds) (2008) *GULAG: ekonomika prinuditel'nogo truda* [Gulag: The Economy of Forced Labor]. Moscow: ROSSPEN.
12. Lynne, V. (2007) *The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements*. Oxford; New York: Oxford University Press.
13. Kustova, E. (2015) (Un) returned from the Gulag: Life Trajectory and Integration of Postwar Special Settlers. *Kritika*. 16(3). pp. 589–620. (In Russian).
14. Chetyrova, L. (2011) The Idea of Labor Among Deported Kalmyks: Kalmyks Resilience Through Celebration in the Gulag. *Mongolian Studies*. 33. pp. 17–31.
15. Krasnoyarsk State Pedagogical University. (2017a) *MOYA, 1953, Kuragino, PF–29*. (Hereinafter, the ciphers of audio recordings with informants are indicated: initials of the informant, year of birth, organizations that conducted the field research and stored its materials (KSPU – Krasnoyarsk State Pedagogical University and / or Memorial – Krasnoyarsk society “Memorial”), location of the interview, year and serial number of the field phono recording in the general list).
16. Russia. (1857) *Ustav o koloniyakh inostrantsev v Imperii* [Charter on the foreign colonies in the Empire]. In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 12(2). St. Petersburg: Second Section of His Own Imperial Majesty's Chancellery.
17. Prokopyeva, N. (2002) *K voprosu o formirovani etnicheskoy kul'tury rossiyskikh nemtsev* [On the formation of the ethnic culture of Russian Germans]. In: German, A. (ed.) *Nemtsy Rossii: sotsial'no-ekonomicheskoe i dukhovnoe razvitiye (1871–1941)* [Germans of Russia: socio-economic and spiritual development (1871–1941)]. Moscow: MDTs Kholding. pp. 403–408.
18. Chebotareva, V.T. (1997) *Sotsial'no-ekonomicheskie aspekty zhizni nemetskikh koloniy v rossiyskoy istoriografii (40-e gody XIX v. – 1917 g.)* [Socio-economic aspects of the life of the German colonies in Russian historiography (1840s – 1917)]. In: *Rossiyskie nemtsy: istoriografiya i istochnikovedenie* [Russian Germans: Historiography and Source Studies]. Moscow: Gotika. pp. 21–42.
19. German, A.A. (2007) *Nemetskaya avtonomiya na Volge. 1918–1941* [German Autonomy on the Volga. 1918–1941]. Moscow: MSNK-press.
20. Dietz, Ya.E. (2000) *Istoriya povolzhskikh nemtsev-kolonistov* [History of the Volga German Colonists]. Moscow: Gotika.
21. German, A.A. (2016) *Transformatsiya natsional'noy identichnosti povolzhskikh nemtsev v 1918–1941 gody* [Transformation of the National Identity of the Volga Germans in 1918–1941]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya – Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*. 16(3). pp. 340–344. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-340-345
22. Slezkine, Yu. (1994) The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. *Slavic Review*. 53(2). pp. 414–452. DOI: <https://doi.org/10.2307/2501300>
23. Terry, M. (2001) *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell University Press.
24. Hirsch, F. (2005) *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press.
25. Open Society Archives at Central European University, Budapest (HU OSA). (n.d.) *Vera and Donald Blinksen*. HU OSA 300-85-9:72/26 AS 2811.
26. Brown, K. (2004) *A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
27. KGPU–Memorial. (2016) *OAG, 1955, Karatuzskoe*. PF–19.
28. Krasnoyarsk State Pedagogical University. (2017b) *LVG, 1945, Irba*. PF–44.
29. Kotkin, S. (1995) *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press.

30. Schneider, V.K. (1995) *Polveka v ssylke* [Half a century in exile]. [Manuscript].
31. Fitzpatrick, S. (2005) *Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth Century Russia*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
32. Leongard, A.A. (2012) *Ya vspominayu* [I remember]. Krasnoyarsk: [s.n.].
33. KGPU–Memorial. (2016) *GEF, 1936, Sagayskoe*. PF–80.
34. Krasnoyarsk State Pedagogical University. (2017c) *KVV, 1949, Motorskoe*. PF–60.

Сведения об авторе:

Свирина Дарья Викторовна – аспирант, лаборант-исследователь Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: dsvirina@eu.spb.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Svirina Daria V. – Post-graduate Student, Laboratory Researcher at the Laboratory of Interdisciplinary Space Research, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: dsvirina@eu.spb.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.06.2022; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 20.06.2022; accepted for publication 07.09.2022